

К Л Ю Ч И

САМОЕ любопытное в судьбе этого города, что он раньше назывался... Нижнекамчатском и был одним из первых русских казачьих острогов на Камчатке. Основал его сотник Тимофей Кобелев, который вслед за Атласовым привел сюда казаков и обжил эту землю.

На стыке 1701 и 1702 годов для сбора ясака по восточному побережью Камчатки в долине реки Коочь (Еловки), в нижнем течении Уйкоаль (Камчатки) строится маленькое зимовье. «В 1704 году, — пишет Ф. Г. Софронов в книге «Охотско-Камчатский край», — преемник Кобелева Михаил Зиновьев перенес зимовье на Ключи и обнес деревянным укреплением». В 1705—1706 гг. новый приказчик Колесов около зимовья «поставил другой острог мерою кругом 30 сажень, в вышину полтретья сажень». Судя по «Росписному списку» 1723 года, здесь была «стоячей тын», и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская изба с 11 аманатами, башня над воротами, амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский, казаков 80, промышленных 9 человек, 2 пушки». Так что Ключам в этом году 280 лет.

Какие еще подробности известны нам о ключевском Нижнекамчатске?

Их немало. Вот, например, в 1717 году одна из партий казаков — мореходов, проложивших до этого путь из Охотского порта в Большерецкий острог, обогнула на морском судне полуостров у мыса Лопатка и связала Охотск с Нижнекамчатском, превратив его тем самым в третий русский порт на Тихом океане. Это было официальное признание порта Нижнекамчатск, хотя, начиная, возможно, с казаков из отряда Тимофея Кобелева, русским был известен морской путь на байдарках от устья реки Камчатки до Олюторы (нынешней р. Вывенки), откуда они потом с грузом пушнина двигались через тундру к Анадырской крепости, а затем вдоль побережья Северного Ледовитого океана — к Якутск.

А скоро Нижнекамчатскому порту суждено было стать всемирно известным: именно отсюда начала свой поход в историю Первая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Правда, в судьбе самого Нижнекамчатска эта экспедиция сыграла трагическую роль.

Дело в том, что, прибыв из Охотска в Большерецк перед самым началом осенних штормов, Беринг не решился рисковать грузом экспедиции и распорядился доставить его из Большерецка в Нижнекамчатск на местных лодках — батах и собачьих нартах. Доставкой багажа занимались местные жители, которым Беринг, как старший в чине, обещал за работу снять на год ясачную повинность.

Зимой 1728 года в урочище Ушки был построен бот — военно-морское судно — «Святой Гавриил», на котором и отправились члены Первой Камчатской экспедиции в плавание. Вернулись они в сентябре, снова зимовали в Нижнем, а летом 1729 года окончательно ушли в Охотск. Весь этот период ительмены, жившие вокруг острога, продолжали обслуживать экспедицию, «справляя каюрную гоньбу» и неся вместо налоговой (ясачной) повинности оброчную. Котандор, конечно, понимал, что поставил местное население в тяжелое положение — жизнь ведь на полуострове была и без того трудной, а тут нужно прокормить еще столько человек, и он перед отъездом дает распоряжение не «взимать» ясак с тех ительменов, которые, занимаясь «экспедиционными» делами, пропустили пушной промысел. С тем он и уехал.

Приказ Беринга не был выполнен: дело в том, что казаки отчитывались за ясак перед Якутском, а не Берингом, и если они боялись нарушить приказ в его «бытность» в Нижнем, то после отъезда предъявили нижнекамчатцам — камчадалам все их задолженности с 1728 по 1731 год.

Вот тогда и поднялись камчадалы на знаменитый свой бунт, который возглавил Федор Харчин. И первой их жертвой стал... Нижнекамчатск. Он был сожжен. А потом и заброшен — новый Нижнекамчатск в середине тридцатых годов был построен Шантальского (Азабачьего) острова, а камчадалы — нижнекамчатцы переселились на реку Козыревку.

Но в 1741 году вновь поселились люди в этих местах. И для этого были особые причины. В том же 1717

году, когда пробил русский корабль дорогу из Охотского моря в Тихий океан, бывший казак Иван Козыревский, постригшийся в монахи под новым именем Игнатий, основывает на реке Ключевской Успенскую пустынь, где начинает разводить с монахами овощи и сеять хлеб. Им удавалось снимать неплохие урожаи, и русское правительство, узнав об этих земледельческих опытах на Камчатке, принимает решение о расселении на полуострове государственных крестьян и заведении «в Камчатке» земледелия. Вот в числе первых крестьянских поселений и появляется здесь в 1741 году село Ключи.

С хлебопашеством ничего не вышло. Как ни бились крестьяне, но лишь в редкие годы удавалось им получить урожай — хлеб сгнивал на корню, убивало его ранними заморозками. Да и не было у самих крестьян никакой заинтересованности в том урожае — все, что ни вырастало на этой земле, принадлежало не им — они были крепостными государственными крестьянами, и весь их труд поглощала казна.

Поэтому ключевские земледельцы очень быстро переняли у ительменов, с которыми нередко вступали в родство, их опыт рыбных и пушных промыслов. От бывшего крестьянства остались разве что небольшие огородики, получившие широкое распространение и среди местных жителей, да кое-какая скотина. Так что, хоть и считали их по всем бумагам еще полтора столетия крестьянами, они не знали уже ни плуга, ни боронь...

Опыты по выращиванию хлеба тоже продолжались еще немало лет — чуть не каждый новый начальник пытался выполнить древнюю правительственную директиву. Но достижения были практически такими же, как и в первые годы, когда переселенцы с Лены с жадностью поднимали ключевскую целину и бросали ржаные и ячменные зерна в землю долины древней Уйкоаль... При Завойко построили здесь даже водяную мельницу...

Но нет, не удалось изменить социальный облик села до революции. Ни один из путешественников, приезжавших в Ключи, не видел принципиальной разницы между русскими селами и ительменскими острожками-деревушками.

Коренные изменения в жизни села наступили сразу после установления Советской власти — с появления первых артелей по совместной заготовке рыбы и обработке земли, с колхозов, в которых с первых же дней существования выделилось аграрное направление, прежде всего картофелеводство. А в 1932 году здесь был построен лесопромышленный комбинат. Его сооружение было продиктовано острой нуждой тех лет — развитием рыбной промышленности Камчатки. Рыбокомбинаты и рыболовецкие колхозы полуострова задыхались без тары — ящиков, бочек. Требовались детали для кунгасов, которые выпускала местная верфь. Нужны были шлюпки для обслуживания морских ставных неводов, строительные материалы для барачных и домов, которые возводились во всех рыбацких поселках восточной и западной Камчатки.

Вместе с ростом рыбной промышленности разрастался и рабочий поселок Ключи. И его уже не устраивали малые аграрные возможности колхоза. И рождается совхоз «Ключевской» — крупное хозяйство овоще-молочного направления.

И оказалось, что ключевским животноводам и овощеводам многое по силам. И прост секрет — ведь сила эта в руках хозяев своей земли, а не холопов, как в старину.

Так менялся облик этого камчатского казачьего острога и ительменской деревни, тихоокеанского порта и крестьянского русского села, рабочего поселка лесорубов и обработчиков, животноводов и овощеводов. И третьего на Камчатке города — города Ключи.

Сегодня Ключи — это не только значительный экономический центр Камчатской долины. Это еще и город науки. Ведь именно здесь 50 лет назад советская вулканология оформилась как самостоятельная отрасль науки. А Ключевская вулканостанция стала предшественницей единственного в мире Института вулканологии.

С. ВАХРИН,
член Союза журналистов СССР.